

ЭВОЛЮЦИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ И ИХ ФУНКЦИИ В НОВОАНГЛИЙСКОЙ СТИЛИЗОВАННОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

В статье рассматривается развитие системы глагольных репрезентантов в новоанглийском языке (16–21 вв.), анализируются факторы, влияющие на частотность их употребления в разговорной речи, систематизируются их прагматические функции в диалоге.

Ключевые слова: субституция, глагольная репрезентация, глагол-антецедент, синтаксическая и семантическая компрессия, когезия.

Отличительной особенностью синтаксиса английского языка является активное использование средств субституции (*pro-forms*), призванных обеспечить структурную полноту словосочетания или предложения. Один из основоположников теории субституции Л. Блумфилд назвал две её разновидности: «замещение» (*replacement*) и «репрезентация» (*representation*) [Блумфилд 1968: 203]. Однако их качественные отличия и состав были детально проанализированы отечественными лингвистами несколько позже: «В случае замещения в предложении возникает новый элемент, отличный от замещаемой единицы, но выступающий её контекстуальным эквивалентом (*The hair was not flaxen like that of my pretty girl*). Репрезентация же всегда предполагает опущение какой-то части повторяющейся синтаксической единицы. Присутствующая часть этой единицы оказывается способной представлять всю единицу (*I am sorry. – You needn't be*) [Теоретическая грамматика 1983: 196].

По своей морфологической природе и заместители, и репрезентанты делятся на именные и глагольные. Ниже речь пойдёт о глагольных репрезентантах (далее – ГР), круг которых в английском языке очень широк, поскольку в этой роли способны выступать и вспомогательные глаголы, оформляющие аналитические формы сказуемого, и модальные глаголы, а также приинфинитивная частица *to* и отрицательная частица *not*, для которой типична позиция в составе сказуемого, что позволяет причислить её к разряду ГР. Если в современном английском языке состав ГР описан достаточно подробно, то их историческое развитие и функциональный потенциал ещё не изучены столь же детально. В настоящей статье прослежена эволюция их качественного состава и функций на материале новоанглийской драмы (16–21 вв.), представляющей стилизованную английскую разговорную речь (далее – РР).

Исходя из общего состояния языка и протекавших в нём социолингвистических процессов, новоанглийский (НА) подразделяется на три подпериода: ранненовоанглийский (РНА) – с 1500 по 1650 гг.; средненовоанглийский (СНА) – с 1650 по 1800 гг.; современный английский (СА) – с 1800 г. по настоящее время [Barber 1995: 39].

В настоящей работе объектом диахронического анализа явилась система ГР английского языка, представленная материалом в объеме 1200 диалогических единств (ДЕ) – по 400 ДЕ на каждый из трёх подпериодов новоанглийского языка.

Диахронический анализ качественного состава ГР в новоанглийской РР позволил выявить следующую их динамику: в материале РНА подпериода зарегистрированы 12 ГР: *to be, will, shall, should, would, can/could, have/had, may/might, must, do/did, let, not*. В выборке СНА подпериода этот состав увеличивается ещё на три ГР – это модальные глаголы *dare, ought*, а также приинфинитивная частица *to*. Таким образом, в 18 в. число ГР возросло до 15 единиц. В выборке из современной РР представлены эти же ГР, что свидетельствует о том, что состав ГР сформировался к концу 18 в. и в качественном отношении до сих пор остаётся на том же уровне. Однако количественная динамика каждого из средств данного состава ГР колеблется в сторону возрастания или снижения частотности употребления. Анализ причин этого явления составил следующий аспект диахронического исследования ГР.

Анализ языкового материала показал, что во все три сравниваемые этапа новоанглийского языка ведущим ГР остаётся отрицательная частица *not*, частотность которой поступательно возрастает: РНА – 25%; СНА – 35%; СА – 42%. Данная динамика может быть объяснена двумя причинами: во-первых, наивысшая частотность *not* в системе ГР в целом объясняется её логико-грамматической функцией: она переводит утверждение в отрицание, меняя коммуникативный вид предложения. Во-вторых, поступательный рост частотности *not* на протяжении всего НА периода объясняется переходом от полинегации к монологии в отрицательных предложениях.

Этот процесс начался ещё в РНА, но в 18 в. под давлением нормативных грамматик именно *not* становится ведущим средством отрицания, выступая компонентом глагольного сказуемого, ср.:

РНА: *Leontes: You are married?*

Florizel: We are not, sir... [Shakespeare 1963: 139].

СА: *Mabel Chiltern: I wish I had brought you up!*

Lord Goring: I am sorry you didn't [Wilde 1961: 217].

Вторым ведущим ГР на протяжении всего НА периода является глагол *to be*, но в этом случае, в отличие от ГР *not*, имеет место некоторое снижение частотности его употребления, начиная с 18 в.: РНА – 23,3%; СНА – 18%; СА – 17%. На наш взгляд, основной причиной снижения доли ГР *to be* в СНА и СА могло стать вытеснение глагола *to be* из сферы перфектных форм, где в среднеанглийском и ранненовоанглийском периодах наряду с глаголом *to have* глагол *to be* участвовал в построении перфектных форм с непереходными глаголами. Такие случаи зафиксированы в пьесах Шекспира:

РНА: *Servant: Madam, the guests are come* [Shakespeare 2010: 23].

Однако, начиная с СНА, оформителем перфектных форм становится глагол *to have*, а *to be* выступает репрезентантом в формах пассива и Continuous, а также составного именного сказуемого:

РНА: *Leontes: My lord, is this the daughter of a king?*

Florizel: She is when once she is my wife [Shakespeare 1963: 140].

СА: *Stanley: I'm not patronizing you, Clive.*

Clive: Oh yes, you are [Shaffer 1984: 92].

Вытеснение глагола *to be* из сферы перфектных форм, в свою очередь, повлияло на поступательный рост ГР *to have*, который помимо форм *Perfect*, начиная с 18 в., употребляется также в формах *Perfect Continuous* и в составном модальном сказуемом (*to have to + Infinitive*). Такая полифункциональность ведёт к поступательному росту частотности ГР *to have* на протяжении всего новоанглийского языка: РНА – 5,2%; СНА – 6,5%; СА – 8,7%. Ср.:

РНА: *Nurse: Have you got leave to go to shrift to-day?*

Juliet: I have [Shakespeare 2010: 56].

СА: *R.Chiltern: I will not do what you ask me.*

Mrs Cheveley: You have to [Wilde 1961: 194].

ГР *shall* и *will* в новоанглийском языке выступают вспомогательными глаголами при построении форм будущего времени. С течением времени закреплённая за глаголами *shall/will* дистрибуция по формам лица разрушается, и *will* остаётся единственным показателем будущего времени во всех лицах. Соответственно, доля *shall* постепенно снижается, а доля *will*, напротив, возрастает: *shall*: РНА – 6,0%; СНА – 4,5%; СА – 3,0%; *will*: РНА – 10,7%; СНА – 12,1%; СА – 14,0%. Ср.:

СНА: *Mrs Malaprop: Remember what we have fixed.*

Absolute: I shall; ma'am [Sheridan 1954: 60].

СА: *Lord Windermere: Sit down and write the card.*

Lady Windermere: Nothing in the whole world would induce me.

Lord Windermere: Then I will [Wilde 1961: 38].

Формы претерита этих же глаголов (*should, would*) демонстрируют поступательный рост частотности употребления на протяжении новоанглийского периода, так как именно в это время у них вырабатываются новые грамматические функции для реализации формы *Future-in-the-Past*, а также средств выражения нереальности действия: *should*: РНА – 2,0%; СНА – 2,9%; СА – 3,5%; *would*: РНА – 3,0%; СНА – 3,4%; СА – 4,5%. Ср.:

РНА: *Leontes: Antigonus, I charged thee that she should not come about me, but I knew she would.* [Shakespeare 1963: 71].

Если обратиться к таким парам глаголов как *can – could* и *may – might*, функционально-семантические поля которых частично пересекаются, то первый из них демонстрирует поступательный рост частотности употребления как ГР, а доля второго, напротив, снижается: *can/could*: РНА – 7,3%; СНА – 8,1%; СА – 9,2%; *may/might*: РНА – 4,1%; СНА – 4,0%; СА – 2,5%.

Рост частотности именно форм *can/could* можно объяснить более ограниченным кругом ситуаций функционирования ГР *may/might*, предполагающих сохранение определённой социальной дистанции между собеседниками, тогда как новоанглийский период характеризовался постепенной демократизацией социолингвистических норм общения, что создаёт условия для проникновения глагола *can* в сферу употребления *may*:

РНА: *Shylock: Three thousand ducats, I think I may take his bond.*

Bassanio: Be assured, you may [Shakespeare 1958: 39].

CA: *Lay Bell: I can rely upon Miss Neville's discretion; I think I can* [Murphy 1915: 64].

Что касается ГР *must*, то здесь имеет место поступательное снижение частотности его употребления (РНА – 6,0%; СНА – 3,5%; СА – 2,3%). Данный процесс, на наш взгляд, можно объяснить не только демократизацией социолингвистических норм общения, но и изменением социального статуса коммуникантов, представленных в новоанглийской драме. Персонажи пьес 16–18 вв. часто отличаются своими социальными статусами (господин/слуга, офицер/солдаты), что делает уместным употребление модального глагола *must*, тогда как в современной драме не наблюдается столь явная иерархия статусов собеседников, и в этом случае более уместна форма совета (*should*), нежели требования или команды.

Отдельного внимания заслуживает ГР, представленный приинфинитивной частицей *to*. В нашем материале она впервые отмечена только в СНА драме (1,2%). В современной РР её частотность выросла в 3,5 раза (4,3%). Частица *to* обладает очень высоким потенциалом компрессии синтаксической структуры, о чём речь пойдёт ниже. Малопопулярны в роли ГР модальные глаголы *dare* (СНА – 0,7%) и *ought* (СНА – 0,2%), ср.:

СНА: *Fanny: Touch me, if you dare* [Bickerstaff 1915: 37].

В целом из 15 зарегистрированных ГР бесспорными лидерами во все подпериоды новоанглийского языка являются *not u to be*, на долю которых в сумме приходится в РНА – 48,3%; СНА – 53,0%; СА – 59,0%. Доля остальных ГР варьируется по столетиям (возможные причины этих колебаний названы выше).

В работах по грамматике английского языка употребление ГР, в первую очередь, объясняется их структурно-синтаксической функцией. Однако, как показывает языковой материал, в коллоквиальном дискурсе они выполняют и другие, не менее значимые функции. Как известно, РР характеризуется взаимодействием двух противоположных тенденций – к речевой экономии и избыточности. Одним из условий речевой экономии является возможность опоры на прозвучавший ранее фрагмент высказывания, своего собственного или собеседника. Спонтанность и неподготовленность РР обуславливают и реализуют её избыточность. ГР успешно реализует первую из этих тенденций, репрезентируя прозвучавшее ранее единичное слово/словосочетание или даже предикативную единицу со своим субъектом и предикатом:

а) репрезентация слова:

Mrs Foster: Never woman was vexed as I am still [Rowley 1915: 48].

б) репрезентация словосочетания:

Sneer: A most happy thought, certainly.

Dangle: Egad, it was – I told you [Sheridan 1954: 333].

в) репрезентация предикативной единицы:

Acres: Do – and see if there are any letters for me at the post office.

David: I will [Sheridan 1954: 61].

Количественный анализ языкового материала позволил также проследить, как менялся объём репрезентируемой группы (ОРГ) на протяжении новоанглийского периода. С этой целью материал исследования был распределён по четырём группам:

Группа 1: ОРГ – от 1 до 3 слов; Группа 3: ОРГ – от 7 до 10 слов;

Группа 2: ОРГ – от 4 до 6 слов; Группа 4: ОРГ – от 11 слов и более.

Самой частотной во все 3 подпериода является группа 1: РНА – 75,0%; СНА – 53,0%; СА – 50,0%. В то же время количество случаев ОРГ объёмом от 4 до 6 слов поступательно возрастает по мере приближения к современному состоянию: РНА – 15,6%; СНА – 26,5%; СА – 33,0%. На долю групп 3 и 4, где ОРГ составляют 7 единиц и более, приходится: в РНА – 9,4%; в СНА – 19,5%; СА – 17,0%. Абсолютное доминирование ОРГ объёмом от 1 до 6 слов не случайно. Специалист в области инженерной психологии Дж. Миллер пришёл к выводу, что объём непосредственной памяти человека лимитирован 7 ± 2 единицами, и логично предположить, что наиболее распространёнными являются именно группы от 1 до 6 слов, ибо «объём информации несколько меньшей идеального, является гарантией её сохранения» [Миллер 1964: 192]. Представляя прозвучавший ранее фрагмент высказывания, ГР способствуют речевой экономии, а также повышают скорость общения. Одновременно они выполняют и стилистическую функцию, позволяя избежать повтора уже прозвучавшей информации.

Ещё одну важную функцию ГР можно определить как коммуникативно-информативную: она реализуется в случаях расхождения глагола-антецедента и его репрезентанта в последующем фрагменте, когда адресат выражает своё личное мнение. Отметим также, что во всех случаях ГР входят в состав ремы высказывания:

CA: *Bygrove: Let me tell you once for all, sir.*

Dashwould: I wish you would [Murphy 1915: 42].

CHA: *Sir Graffik: Charles is gone to the devil, and you may go after him.*

Marplot: Ay, that I will as fast as I can [Centlivre 1915: 22].

Кроме названных выше функций ГР также обеспечивают текстовую когезию, благодаря сохранению их потенциальной связи с репрезентируемым фрагментом высказывания. Так, в следующем диалогическом единстве из трёх реплик вторая и третья получают смысловое наполнение лишь в соотношении с первой репликой, которая содержит репрезентируемый антецедент *to come over*:

Jerry: Hey! Do you want me to come over?

Ruth: If you want to, I would like it.

Jerry: Of course, I want to. Why wouldn't I? [Updike 1977: 213].

Таким образом, ГР английского языка образуют устойчивую группу синтаксических средств, современный состав которых сложился в 18 в. При этом частотность употребления каждого из ГР на протяжении новоанглийского языка зависит от степени его функциональной нагруженности в грамматической системе языка в целом. ГР выполняют целый ряд важных функций в процессе коммуникации: они обеспечивают полноту структурно-синтаксического минимума предложения или словосочетания; являются эффективным средством речевой экономии, повышая темп общения и способствуя стилистическому оформлению высказывания, поскольку освобождают его от повтора. ГР также участвуют в развёртывании информативной прогрессии, так как, будучи по своей природе глагольными формами, они представляют рему высказывания. Данные функциональные свойства ГР должны найти отражение в процессе обучения английской диалогической речи с тем, чтобы добиться аутентичности её звучания. Это предусмотрено программными требованиями по зарубежной филологии в рамках компетентностного подхода [Александрова и др. 2008: 279].

Библиографический список

1. Александрова А.В., Менджерицкая Е.О., Харьковская А.А. Филология как составляющая современного гуманитарного знания и компетентностный подход в образовательных программах по зарубежной филологии // Вестник Самарского университета. – Вып. 5/2 (64): История, педагогика, филология. – 2008. – С. 273-280.
2. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 606 с.
3. Миллер Дж. Магическое число семь плюс или минус две единицы // Инженерная психология. – М.: Наука, 1964. – С.189-199.
4. Теоретическая грамматика английского языка / Отв. редактор В.В. Бурлакова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. – 253 с.
5. Barber Ch. The English Language: A Historical Introduction. – Cambridge University Press, 1995. – 299 p.

Список источников

1. Bickerstaff J. The Maid of the Mill // British Theatre. – L.: John Cumberland's Publishing Co., 1915. – P.1-57.
2. Centlivre M. The Busy Body // British Theatre. – L.: John Cumberland's Publishing Co., 1915. – P. 58-83.
3. Murphy A. Know Your Own Mind // British Theatre. – L.: John Cumberland's Publishing Co., 1915. – P. 85-124.
4. Rowley W. The Widow of Cornhill // British Theatre. – L.: John Cumberland's Publishing Co., 1915. – P. 125-160.
5. Shakespeare W. Romeo and Juliet. – St. Petersburg, 2010. – 156 p.
6. Shakespeare W. The Winter's Tale // The New American Library. – NY., 1963. – 263 p.
7. Shakespeare W. The Merchant of Venice. – NY.: Dell Publishing Co., Inc., 1958. – 192 p.
8. Shaffer P. Five Finger Exercises // Modern English Drama. – М.: Raduga Publishers. – P. 33-156.
9. Sheridan R.B. Complete Plays. – Great Britain: Collins Clear – Type Press, 1954. – 415 p.
10. Updyke J. Marry Me. – L.: Penguin Books, 1977. – 252 p.
11. Wilde O. Plays. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1961. – 360 p.

E.P. Vassilyeva, T.A. Guralnik (Russia, Samara)

The paper surveys development of the system of English verbal representatives (16-21 centuries), and the factors which influence the frequency of their occurrence in colloquial speech. Pragmatic functions of verbal representatives in a dialogue are also analyzed in the paper.

Key words: substitution, verbal representation, verbal antecedent, syntactic and semantic compression, cohesion.